

...Из петрозаводского госпиталя его украли. Рано утром, еще рассвет не забрезжил, в послеоперационную вошли трое в форме артиллеристов. Надели на него валенки, полушубок — и вниз с четвертого этажа. Всю дорогу несли на руках — рана в левом подреберье после операции еще не подсохла, хирург даже тампон не убрал.

Пришли в эшелон, положили Папоюна на нары — и к командиру: так, мол, и так. Тот взорвался: что! Я же вам приказал: только навестить и убедиться, что жив. Так вот: как украли, так и сейчас же несите назад. Сейчас же!

Но Папоян остался — остался на своем. Радости однополчан не было конца, бросились скорей писать домой: дома-то давно лежала на него похоронка. Тронулся эшелон, а тут видят — бегут, отчаянно жестикулируя, главврач госпиталя с медсестрой: да нас же сейчас под трибунал.

Пришлось второй раз из-за Папояна эшелон останавливать. Остановили, подписали бумагу. А через две недели, когда эшелон дошел до места назначения, Папоян был уже в строю...

— Ну честное слово! — Рубен Арташесович говорит

нужно какое-то особое ро- да вдохновение — из лавины военных воспоминаний, многие из которых болью отдают в памяти, выбрать одно-два и назвать их коротко и прозаически — «эпизод».

Папоян заметно разволновался, побежал за сигаретами, закурил. Пытаюсь его успокоить: я, мол, помогу, вам останется только на мои вопросы отвечать...

Но задавать вопросы мне так и не пришлось. Отличный у Папояна получился рассказ — я только успевала записывать и переспрашивать географические названия, фамилии. Привожу его в точности и почти без сокращений:

— Ну вот, пишите: прошел всю войну с первого до последнего дня (Папоян не чужд патетики, но в ней нет выпренности, зато ясно читается гордость человека, который действительно много вынес и смог). Первый день войны встретил в Севастополе, кадровым моряком Приморской армии Черноморского флота (он показывает фотографию моряка, в тельняшке, его напоминающего отдаленно, зато очень похожего на десятиклассника). Потом — Карельский фронт, III Белорусский — это Восточная Пруссия. I

с которым вместе в госпитале лежали, и говорит его однополчанам между прочим: вон там (госпиталь был недалеко от вокзала) ваш Рубен сейчас лежит, выздоравливает. Как — Рубен? Какой Рубен? Папоян? Да он же погиб, сами видели!

Начальник эшелона тоже не поверил. Остановил состав на полчаса. И дал четкий приказ — пойти и убедиться: Рубен или не Рубен?...

«Прежде всего прошу вас, найдите Мишку, сын полка был у нас, часто он появлялся на переднем крае. Он был сирота, родители, насколько помню, были из Кондопоги. 12 лет, а как отличился в бою на границе! Помню, он повел группу в атаку и, как мне помнится, говорили солдаты, его наградили медалью «За отвагу». И послали в Суворовское училище. Потом его следы пропали...»

(Из письма А. Папояна в музей Боевой славы Медвежьегорска — Масельги).

Давно хотел снова побывать Папоян в этих местах, в Карелии. Найти врачей, которые их лечили, детей, которые к ним, к раненым, часто приходили. Долго собирался. А тут в прошлом году открывает как-то почту: большой конверт. В нем —

Гостиная «БН»

Все остается людям

Наш гость — полный кавалер орденов Славы Рубен Арташесович Папоян



в сердцах, напирая на гласные. — Честное слово: вот они, свидетели, трудовые мозоли, еще не прошли. Тридцать лет проработал на алюминиевом заводе, но такой мороз и суеты, как сейчас, — не было...

Вот уже четыре года Папоян, персональный пенсיוнер союзного значения, заводит в Доме культуры Каназа. До этого 30 лет проработал аппаратчиком в горячем цехе. А тут под старость тяжело стало, да и 5 пулевых ранений тоже сказываются. Ушел на более «спокойную» работу. Спокойную! От такого определения жена Папояна, теща Оля, тоже ветеран Каназа, а сейчас — пенсионерка, только вздыхает.

— Какое там — спокойная. Снова с утра до вечера его дома нет. Вот и сейчас — видите, уже собирается, убежит и — до вечера.

Нет, положительно, есть на свете люди, для которых «спокойных» работ в природе не существует. Но сам Рубен Арташесович этой «мороче», как он сам ее называет, рад. Вот и дом, получая новую квартиру, выбрал так, чтобы окнами на клуб.

А трудовые мозоли он наработал не только на Каназе. Два года строил алюминиевый завод в Египте. И оттуда тоже вслед за ним приехала по почте грамота — благодарность за хорошую работу. Даже немного обогнала Папояна.

«Уважаемый Рубен Арташесович, здравствуйте! Огромное Вам спасибо за нашу Родину, за Карелию, за то, что мы уже 40 лет живем под мирным небом! Мы Вам очень благодарны за Ваше письмо, ведь про нашу школу в годы войны мы ничего не знали. Теперь благодаря Вам еще одна страничка истории школы открылась перед нами...»

(Из письма участников штаба красных следопытов «Поиск» школы № 9 г. Петрозаводска).

— Ну что рассказать? И не знаю, на чем именно остановиться — столько всего было. Вот если только вдохновение придет.

Да, наверное, для этого

Украинский — это вся Польша, Судетские Карпаты, Верхняя Силезия. Закончил войну в Чехословакии. Был трижды ранен. Города? Нет, города не перечислить — их многие десятки, сотни.

— Смотрели 14 февраля телевизор, после программы «Время»? — продолжает Папоян. — Там нас показывали. И сегодня вечером (разговор наш шел 26 февраля) тоже будут показывать. Это — серия из фильма «Шел солдат», снятого по сценарию К. Симонова к 30-летию Победы. Нас было семь полных кавалеров орденов Славы, приехали на съемки из разных мест.

В этом фильме был эпизод, который очень меня волнует. Это было 1 августа 1944 года. Когда на Калининском фронте наши части вышли к границе СССР, — нас, разведчиков, послали на боевое задание. Отправились и... залегли в траншею. Не давал подняться пулемет — стрелял с совсем близкого расстояния. Только на несколько секунд поднялся я, ринулся вперед, швырнул гранату — точно, уничтожил пулемет. Но еще при выходе из траншеи я был тяжело ранен...

Его нашли после боя санитары, среди трупов. 4 ранения — в горло, в ключицу, одна пуля — в области сердца. Кровью истек.

Долгое время, пока лежал в петрозаводском госпитале, не мог ни ходить, ни разговаривать. Книжку о Маресьеве он потом, после войны прочитал. А тут... Самым трудным было — пройти от койки до стола. Несколько недель понадобилось, чтобы выучить с помощью заботливой медсестры этот путь. Но — выучил, наконец.

И вот однажды, когда уже 10 дней прошло после операции, просыпается утром — и глазам своим не верит, думает, что продолжается еще сон. Но — не сон: стоят перед ним, собственной персоной, его ребята из артиллерийской разведки: Максимов, Егоров, Насиров...

Что было дальше, читатель уже знает. Оказывается, их эшелон проезжал через Петрозаводск. И тут парень один из соседней части,

газета, петрозаводская, «Ленинская правда» за 9 мая. В газете его фотография, и рядом большая статья.

Прочел — и вспомнил все. Сразу собрался, взял 5 дней за свой счет — и поехал.

Приезжает в Петрозаводск — в гостинице нет мест. Достал ту самую газету, развернул.

— У—у—у... — в ответ. И место сразу нашлось. В тот же день пошел искать госпиталь по городу. Целый день ходил, все, кажется, вокруг вокзала обошел — не нашел госпиталя! На следующее утро решил отправиться в редакцию.

В редакции ему очень обрадовались. А редактор сразу с вопросом: какой был номер госпиталя? Не помнит Папоян! Тогда заведующий отделом пропаганды и агитации Юрий Петрович Ванин и говорит: приходите через два часа, поедем вместе. Я, кажется, знаю, где это.

И вот едут-едут, совсем в другую сторону, где Папоян и не бывал. И вдруг — та самая улица, тот дом. Нашли-таки госпиталь — в нем сейчас школа № 9. Ванин, оказалось, эту школу кончал.

...Мы сидим в уютной кухне Папоянов, обедаем. У домовитой тети Оли все — свое, собственного приготовления (даже бастурма и «болгарский» перец фаршированный). И потому, наверное, все на удивление вкусно. Папоян без укоризны смотрит на мою тарелку с корочками хлеба и все-таки показывает свою: чисто вымазанную хлебным мякишем. Я, говорит, и внуков так приучил. Не могу выбрасывать хлеб. Как вспомню, как мы там в Карелии, из-за корочки хлеба... Коренья сухие глодали. Вы уж извините, и не надо, наверное, об этом вспоминать! Главное — чтоб не повторилось...

Нет, Рубен Арташесович, вспоминать обязательно надо. Именно для того, чтобы не повторилось.

М. ВАРТАНЯН.

НА СНИМКЕ: дедушка Папоян и его внуки.

Фото В. Акунина.